

УДК 811.172'373.72

DOI 10.37972/chgpu.2026.130.1.027

М. С. Хмелевский, О. В. Раина

ОКРУЖАЮЩИЙ ЛИТОВЦЕВ МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Целью настоящего исследования является обзор в лексическом и частично лексикографическом свете концептуальных устойчивых единиц литовского языка, в которых содержатся компоненты, отражающие окружающий мир, характерный для картины мира литовского народа. Анализируемые в работе устойчивые единицы помогают дать представление об основных мировоззренческих маркерах основного метафорического и фразеологического фонда литовского языка, что во многом иллюстрирует культурологическую сторону менталитета его носителей. Нас интересует прежде всего те эпитеты и фразеологизмы, в которых выступают исконно концептуальные для литовского народа понятийные единицы, отражающие его культуру и мировоззрение, в которых заложены смыслы, связанные с тем, что окружало литовцев испокон веков и что стало частью их национального мировосприятия, укоренившись в языке и, как янтарь, застыв во фразеологии. Материал для настоящей работы извлечен из фразеологических словарей литовского языка, художественной литературы, фольклора и разговорной речи. Методы исследования – культурно-описательный, компонентный, семантико-сопоставительный и компаративный. Анализ показал факт закрепления мировоззренческого народного восприятия объективной окружающей действительности. Рассмотренный материал представляет собой обзор картины мира литовского народа и его традиционного уклада жизни, имеющего общие черты с восточнославянским, но и при этом во многом отличающегося и уникального. Таким образом, настоящая статья затрагивает вопросы схожести и различий двух соседних народов – литовцев и русских, неразрывно связанных в языковом (древнее балто-славянское языковое единство), историческом и культурологическом аспектах.

Ключевые слова: *литовский язык, фразеология, устойчивые сравнения, культуuroлогия, картина мира*

M. S. Khmelevsky, O. V. Raina

THE WORLD AROUND LITHUANIAN NATION THROUGH THE LENS OF METAPHORS AND PHRASEOLOGY

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The aim of this study is to provide a lexical and partially lexicographical overview of Lithuanian phraseological units, which contain lexemes reflecting the surrounding the Lithuanian people world. The review of set units presented in the work helps to illustrate the main concepts contained in the basic phraseological fund of the Lithuanian language, which provide a general idea of the picture of the world and the mentality of its speakers. We are primarily interested in those phraseological units that contain lexemes that are inherently conceptual for the Lithuanian people, their culture and worldview, which contain conceptual meanings associated with what has surrounded Lithuanians and has become part of their national consciousness, reflected in the language and frozen in phraseology. The material for this study was extracted from phraseological dictionaries of the Lithuanian language and other sources. The research methods are descriptive, componential, semantic-comparative, comparative. The analysis revealed the entrenchment of the folk worldview's perception of everyday and natural, completely simple,

mundane, and far from philosophical phenomena surrounding humans. Moreover, the material represents an overview of the Lithuanian people's picture of the world and their original way of life. This article also provides an understanding of the similarities and differences between two neighboring peoples – Lithuanians and Russians – who are inextricably linked linguistically (ancient Balto-Slavic linguistic unity), historically, and culturally.

Keywords: *Lithuanian language, phraseology, idioms, cultural studies, view of the world*

Введение. Самобытность балтийских народов, уходящая корнями в допраславянский период, однако сохраняющаяся до сих пор, являлась и является предметом сравнительно-сопоставительных исследований. Важность рассмотрения данной проблематики заключается в том, что литовский язык в максимальной полноте сохранил языковое состояние индоевропейского языка, а также периода балто-славянского единства (ок. 1500 лет до н. э.) [1]. Привлечение языкового материала литовского языка как живого наиболее архаичного индоевропейского (в отличие от мертвого санскрита) является необходимым аспектом в области сравнительно-сопоставительного анализа индоевропейских языков, а также истории развития и становления славянских языков в этимологических научных изысканиях ([1], [3], [4]).

Застывшие в языке фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами, обозначающими реалии окружающего литовский народ мира, ярко иллюстрируют быт человека эпохи некогда существовавшей балто-славянской общности. Не остались без внимания и лексемы, относящиеся к явлениям природы (флоре, фауне и пр.). Цель настоящей статьи – представить картину мира и мировосприятия древних литовцев, сохраняющуюся в сознании и менталитете до сих пор, даже в эпоху современной глобализации.

Актуальность исследуемой проблемы. Обращение к языковому материалу литовского языка зачастую сводится к славяно-балтийским параллелям в области фонетики и этимологии ([1], [4]). Однако аспект сопоставительной лексикологии, фразеологии и культурологии вряд ли можно отнести к приоритетным направлениям как балтистики, так и славистики, за редкими исключениями ([2], [9], [11], [15]).

Материал и методы исследования. Материал для исследования – выборки ФЕ из указанных в списке литературы словарей, а также литовской художественной литературы, фольклора и разговорной речи ([2], [15], [16], [17], [18] и др.). Методами настоящего исследования стали культурно-описательный, компонентный, семантико-сопоставительный и компаративный. Буквализация перевода ФЕ на русский язык дает возможность обращения к нашему исследованию более широкого круга читателей, не владеющих литовским языком, но заинтересованных в проведении языковых и культурологических параллелей с русским. Также одним из актуальных вопросов, поднимаемых в работе, является рассмотрение и анализ наиболее частотных устойчивых единиц, употребляемых в современном литовском языке и извлеченных как в результате сплошной выборки из фразеологических словарей, литературных источников, так и фиксаций из современной разговорной речи.

Результаты исследования и их обсуждение. Устойчивые единицы как отражение литовской картины мира проанализированы и апробированы на многочисленных международных конференциях и опубликованы в сборниках статей по их материалам ([7], [8], [9], [10], [14]), а также в рамках сопутствующих тем, как то: языковая ситуация в странах Балтии, функционирование русского и других славянских языков в Литве и Латвии, равно как и коррелятивные вопросы балто-славянской исторической и языковой общности ([5], [6], [9], [10], [12], [13]).

1. Имена собственные, называющие человека. В отличие от русского языка, где имена людей в основном являются немотивированными заимствованиями или кальками, в литовской культуре довольно частотны имена, соотносимые с природой, которая испокон

веков окружала древних балтов. Приведем лишь ряд наиболее распространенных современных литовских имен для иллюстрации сказанного: **женские:** *Eglė* – ‘ель’, *Aušra* – ‘рассвет, заря’, *Rūta* – ‘рута’ (цветущее растение), *Audra* – ‘буря, шторм’, *Ramutė* (мужской вариант *Ramunas*) – ‘ромашка’, *Rugilė* – ‘рожь’, *Saulė* (мужской вариант *Saulius*) – ‘солнце’, *Ugnė* – ‘огонь’, *Jūratė* (мужской вариант *Jūris*) от лит. *jūra* – ‘море’, *Daina* – ‘песня’; **мужские:** *Gintaras* – ‘янтарь’, или диминутив *Gintarėlis* – букв. ‘янтаренок’, *Vilkas* – ‘волк’, *Lokys* – ‘медведь’ и под. ([15, с. 28–30], [17]).

В рамках заявленной тематики мы остановились на литовских именах собственных, называющих человека, во-первых, потому что в них уже вырисовывается картина окружающего литовцев мира и его концептуальные культурологические составляющие для сознания балтов, а также потому, что все они являются усеченными исконными устойчивыми сравнениями. Какой смысл вкладывали балты в понятия, которые они давали в качестве имени, мотивированные окружающей их природой, весьма красочно иллюстрируют ФЕ, компонентом которых они являются [15, с. 29].

2. Литовские ФЕ, отражающие видение окружающего мира и мотивирующие вышеприведенные имена собственные. Рассмотрим представления литовцев о природе сквозь призму ФЕ.

Aušra – ‘заря’ – встречается в устойчивом сочетании *aušros žvaigždė* (букв. утренняя звезда) и ФЕ *Aušros žvaigždė neištiktų* (букв. одной утренней звезде не доверяй <что пришел рассвет>) – говорится о человеке или объекте, которому не следует полностью доверять.

Audra – ‘буря, шторм’ – отсылает нас к Балтийскому морю, омывающему берега Литвы. Аналогично русскому языку в литовском встречаем такие ФЕ, как *audrą / audras kelti* (букв. поднимать бурю / бури), *audrą užtrukti* (букв. поднять бурю, бушевать), *audras versti* (букв. навлекать, нагонять бурю), а также отсутствующую в русском языке ФЕ *audromis eiti* (букв. идти бурями ‘веселиться, радоваться, жить в свое удовольствие’). В отличие от русского *бушевать* ‘буйствовать’ литовская ФЕ употребляется с положительным оттенком: *jis andromis eina* (букв. он бурями идет) ‘он весело живет’ [17].

Daina – ‘песня’ – составляющая литовской культуры, без которой невозможно представить себе хуторский быт, сельскохозяйственные полевые работы, зимние вечера хуторянина, что также отразилось в литературе и ФЕ, например: *avies daina* (букв. песня овец ‘мелочь, никчемность, слабость’, ср. рус. *блеять* ‘говорить ни о чем, говорить что-л. невнятное’); *Jo sūnus tikras avies daina* (букв. Его сын – настоящая песня овец ‘слабый или ничего из себя не представляющий’); *zūkio daina* (букв. заячья песня ‘о чем-то невозможном, вымышленном, непреодолимом’) [15, с. 90].

Eglė – ‘ель’: ассоциативное представление восходит к фольклорной литовской легенде о том, как мать защитила своих детей, превратив их в дуб, осину и березу, и, чтобы оставаться с ними всегда рядом, обратилась в ель – вечнозеленое дерево, символизирующее долговечность. Издревле считалось, что ель отпугивает злых духов, приносит удачу, здоровье, изгоняет любую нечисть, является символом доблести, мужества, бессмертия, а также гордости и королевской чести [15, с. 183]. Здесь нельзя не упомянуть классическую поэму известной литовской писательницы XX в. С. Нерис «*Eglė – žalčių karalienė*» (букв. «Эгле – королева ужей»), созданную в 1940 г. по мотивам народных легенд и мифов, которые считаются одними из древнейших в балтийском фольклоре, культуре и сознании. В произведении главная героиня по имени Эгле символизирует любовь, а также силу и самопожертвование. Стойкое перед природными невзгодами вечнозеленое дерево, ассоциируемое с бессмертностью, мотивировало живой образ, реализуемый в качестве компонента ФЕ, например: *tiesus kaip eglė* (букв. прямой, твердый, правдивый как ель) – говорится о человеке, чтобы подчеркнуть либо его стройность, либо настойчивость и упорство, либо прямолинейность и честность в мыслях, словах и делах.

Jūra – ‘море’ – также является концептуальным и культурологическим символом в менталитете литовцев, что вполне естественно: образ Балтийского моря, давшего название балтам, не мог не отразиться в метафорике, эпитетах и ФЕ. Приведем лишь ряд показательных примеров: *jūra be durų* (букв. море без дверей ‘широкое, бескрайнее море’); *jūros marios* (букв. моря морей ‘очень много чего-л.’); *už jūrų marų* (букв. за морями морей, ср. рус. за морями, за горами в значении ‘очень далеко, издалека’).

Балтийское море в прибрежной части довольно мелкое, и это подчеркивается в ФЕ: *jūrq perbristi* (букв. море пересечь ‘гордиться’); *Atrodė, jūrq perbristum, ir tai šlaunikailių nesiektų* (букв. Казалось, он бы море мог пересечь, а оно даже ему до бедер не дотянется ‘нечем гордиться’). ФЕ *jūra iki kelių*, совпадающая с рус. *море по колено* – ‘все нипочем, ничто не страшно кому-л.’, в сознании литовцев мотивируется этим реальным и объективным фактом мелководья.

Испокон веков Балтийское море выбрасывает на берег янтарь (лит. *gintaras*, лат. *dzintars* – ‘янтарь’) – окаменевшие куски сосновой смолы. Устойчивое сравнение *šviesus ir skaidrus kaip gintaras* (букв. светлый и прозрачный как янтарь) характеризует не только предметы, но и (в переносном значении) светлый разум, голову и употребляется для характеристики ясно и логично мыслящего человека, а также ясного и логичного ума. Перифрастически янтарь называется литовским золотом (*lietuviškas auksas*), а латвийский производитель парфюмерии *Dzintars* давно стал в культурологическом сознании русских символом Балтии [12, с. 49]. Не случайно название этого камня стало не только прецедентным в балтийской культуре, фольклоре и литературе, но и послужило мотивировкой для распространенного в Литве мужского имени *Гинтарас* (*Gintaras*) (уменьшительно-ласкательные формы *Гинтарелис*, *Гинтарюкас* (*Gintaras, Gintarėlis*)) [15, с. 280].

Связанная с Балтикой ФЕ *jūros sidabras* (букв. морское серебро ‘хороший улов’) перекликается с русской перефразой *живое серебро* ‘рыба’.

Ramunė – ‘ромашка’ – часто встречается в поэтическом языке и фольклоре как образ спокойствия, тишины, умиротворения в природе, ср. частый эпитет *ramunė-ramunėlė* (букв. ромашка-ромашечка), что мотивировано прилагательным *ramus* ‘тихий, спокойный’. Как видим, образное представление об этом цветке, покрывающем весной бескрайние поля Литвы, весьма отличается от русского эквивалента с затемненной мотивировкой. Вот лишь несколько образных поэтических ассоциаций, связанных в литовском сознании с этим цветком: *gale namo ramunių puodas verda* (букв. за домом кастрюля с ромашками кипит ‘дома все спокойно, тишь и благодать’); *gale lauko Nemunių verda puodas ramunių* (букв. на краю поля (реки) Немана варится горшок с ромашками ‘тихое, безветренное, спокойное поле’).

Rūta – ‘рута’ – считается одним из концептуальных растений в литовской культуре, что обосновано его распространенностью на балтийских территориях. Этот цветок является национальным символом, что также подтверждается метафорикой и фразеологическим языковым материалом, например: *kiškio rūta* (букв. заячья рута ‘узколистный ползучий чертополох’); *laukinė rūta* (букв. уличная / сорняковая рута ‘зверобой’); *rūtų darželių vestė* (букв. вести в сад, где растет рута ‘обмануть’); *kaip ožys į rūtų daržą* (букв. как козел в сад, где цветет рута), что полностью соответствует русской ФЕ *пустить козла в огород; как козел в капусте*; а также *kaip rūta* (букв. как рута ‘о хорошо высушенном сене’); *Šienelis kaip rūta – juoksis karvytė ēsdama* (букв. Сенушко как рута – коровка будет радоваться / улыбаться, когда будет его есть), *kaip rūtas pasėjęs (eina)* (букв. как руту посеял <идет> ‘очень медленно’). Литовский образ руты как в картине мира, так и во фразеологии часто ассоциируется с замужеством, например: *kaip rūtuose sėdėti* (букв. как в руте сидеть – 1) ‘не выходить замуж’ (ср. рус. *сидеть в девках*), 2) ‘никуда не выходить, сидеть дома, на своем хуторе’); *rūtą sėti* (букв. руту сеять ‘быть незамужней’); *rūtą pažadėti* (букв. руту пообещать ‘согласиться вступить в брак’); *rūta žalia* (букв. зеленая рута ‘незамужняя’) – ср. *Kad ir sena, bile rūle rūta žalia* (букв. Хоть и старая, а все зеленой рутой

осталась ‘не вышла замуж’); *su rutelemis gyventi* (букв. с руты жить ‘быть незамужней’); *rūtių vainiką sumynioti* (букв. венок из руты сплести ‘жениться’). *Rūtių vainikas* (букв. венок из руты) символизирует в литовской культуре целомудрие: *Ir girtina toji mergelė, kuri gražiai nešioja rūtių vainikelį* (букв. Хвала / слава той девушке, которая красиво носит венок руты) – говорится о живущей целомудренно девушке.

Saulė – ‘солнце’ в литовской картине мира прежде всего ассоциируется с красотой: *kaip saulė* (букв. как солнце ‘красивый’); *kaip saulės duktė* (букв. как дочь солнца – 1) ‘очень красивая’, 2) ‘нарядно одетая женщина’), причем эта ФЕ употребляется не только по отношению к человеку: *O, vaikeli, tu dabar duoną kaip saulė valgot* (букв. О, дитя, ты и сейчас хлеб как солнце ешь – ‘с удовольствием’); *Ant pieno užmaišai, tai duona kaip saulė* (букв. На молоке замесил, теперь хлеб как солнце – ‘прекрасный’); *kaip saulė prišvito* (букв. как солнце взошло, т. е. ‘сильно обрадоваться’).

Ugnis – ‘огонь / костер’ как часть литовской культуры, как, с одной стороны, неотъемлемый символ литовского хуторского быта, а с другой – как символ демонических представлений о мире, оставил свой след и во фразеологии. Во многом образ огня совпадает с русскими устойчивыми единицами и их смысловой наполненностью, например: *ugnį ir vandenį pereiti* – *пройти огонь и воду*, *su ugnimi žaisti* – *играть с огнем*, *tar dviejų ugnių* – *между двумя огнями*, *alyvos piti į ugnį* – *подливать масло в огонь* и т. п. Однако стоит отметить и отличия от русского, восходящие к языческому мировоззрению, что само собой объясняется поздним принятием христианства литовцами (XIV–XV вв., многим позднее остальных европейских народов), следы чего обнаруживаем в современной фразеологии, образы которой неразрывно связаны с природой: *pelės ugnis* (букв. мышинный огонь ‘фосфорное свечение от гнилой древесины’); *ant pernykštės ugnies* (букв. На прошлогодний огонь ‘о долгом приготовлении пищи’): *Ar ant pernykštės ugnies kepi?* (букв. Ты на прошлогоднем огне / костре пек?); *ugnį kelti* (букв. поднимать огонь / разжигать костер ‘устраивать беспорядок’); *Pareina išgeręs ir ugnį kelia* (букв. Приходит пьяный и костер разжигает); *ugnį maišyti* (букв. разжигать / раздувать костер ‘вносить раздор’): *Motyna maišė ugnį ir nesugyveno* (букв. Мать раздула костер, и они не ужились); *ugnį spirti iš atapencių* (букв. огонь выбрасывать из затылка ‘злиться, буйствоваться’); *ugnies rykštė* (букв. капля огня ‘первые капли домашнего самогона’); *ugnies pridaboti* (букв. разжечь / добавить огонь / костер – ‘остаться холостым, неженатым / незамужней’); *ugnimi svilti* (букв. гореть огнем ‘быть удачливым’) [17] и мн. др.

Литовская ФЕ *ugnies krikštas* (букв. крещение огнем ‘большие испытания, трудности’): *Mes turime ruoštis prie ugnies krikšto* (букв. Мы должны готовиться к крещению огнем), а также рус. *крещение огнем* – 1) ‘первое участие в бою’; 2) ‘первое серьезное испытание в каком-л. деле’ имеют библейское происхождение, как и название романа польского писателя Г. Сенкевича «Огнем и мечом».

3. Природные явления как концептуальный символ Литвы. Мировоззрение древнего литовца нельзя представить без климатических явлений, ставших концептуальными в сознании этого народа. Так, если Россия в ментальном и стереотипном представлении ассоциируется со снегом, то в литовской картине мира это, несомненно, будет дождь. По одной из этимологических теорий, которой мы придерживаемся, название страны (лит. *Lietuva*) и ее народа восходит к наименованию реки Летаука (лит. *Lietauka*), протекающей в Каунасском уезде. Название мотивировано литовским существительным *lietus* ‘дождь’, ставшим экстралингвистической неотъемлемой частью литовской картины мира (ср. лит. *lietus lija* (букв. дождь льет) или усеченное *lija* – букв. льет, т. е. ‘идет / падает дождь, льет как из ведра’), это отмечается многими природоведами и географами, что, по всей видимости, отразилось и в самоназвании самого народа – литовцы, Литва. Данную лексему как культурологический символ находим в таких ФЕ, как, например, *laukti kaip gervė lataus* (букв. ждать как журавль / лебедка дождя – ‘очень ждать что-л.’); *kaip lietus*

žvirbiui (букв. как дождь для воробья – ‘о том, кто ничего не замечает; о наплевательском отношении к чему-л.’): *Jam mūsų problemai kaip žvirbliui lietus – pasipurtė ir sausas* (букв. Для него наши проблемы как дождь воробью – отряхнулся и высох, т. е. ‘ему плевать’); *kaip nagatka prieš lietų* (букв. Надулся как прыщ / волдырь / капля перед дождем – ‘нахмурился’ ([1, с. 18], [2, с. 159], [15, с. 84])).

Выводы. Таким образом, в нашем исследовании мы представили картину мира литовской национальной лингвоконцептологии исходя из семантики распространенных и наиболее частотных имен собственных. Приведенный в работе фразеологический материал ярко отображает особенности традиционной литовской культуры, фольклора и исконных народных верований, уходящих в глубь дохристианского быта. В настоящей статье мы не затрагивали тему утвари литовского хутора, домашних и диких животных, мифологии и примет, поскольку рамки настоящей статьи не позволят коснуться этой обширной тематики, однако проанализированный здесь эмпирический материал, с нашей точки зрения, дает довольно иллюстративный обзор части той картины мира литовского народа, которая была целью нашего освещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 41 с.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. Балтийская мифология // Мифы народов мира. – М. : Сов. Энциклопедия, 1991. – Т. 1. – С. 153–169.
3. Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. – Ленинград : Наука, 1982. – 211 с.
4. Петерсон М. Н. Очерк литовского языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 160 с.
5. Раина О. В. Поляки в Латвийской Республике как позитивный пример взаимопроникновения культур // Этническая культура. – 2019. – № 1(1). – С. 52–54. – DOI 10.31483/r-64081.
6. Турлаева А. С., Хмелевский М. С. Образ черта в литовской, латышской и русской фразеологии // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 2(115). – С. 122–128. – DOI 10.37972/chgru.2022.115.2.017.
7. Хмелевский М. С. Литовская фразеология микрополя неопределенно-большого количества // Слово в словаре и дискурсе. – М. : Элпис, 2006. – С. 494–497.
8. Хмелевский М. С. Литовские устойчивые сочетания со значением неопределенно-малого количества // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистические и лингвометодологические аспекты). – М. : Кострома : Элпис, 2006. – С. 592–505.
9. Хмелевский М. С. К вопросу о фразеологической вариативности как объекте сопоставительного анализа (литовско-славянские фразеологические параллели) // Фразеология в тексте и словаре. Материалы XXXVI Международной филологической конференции. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 141–145.
10. Хмелевский М. С. Современная языковая ситуация в Литве как пример полилингвизма и межнациональной толерантности // Русский язык в условиях би- и полилингвизма. – Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, 2021. – С. 62–66.
11. Хмелевский М. С., Кузнецова И. В. Актуальность балто-славянских лексико-фразеологических параллелей для славистики // LI Международная научная филологическая конференция им. Л. А. Вербицкой : Сб. тезисов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2023. – С. 1294–1296.
12. Хмелевский М. С., Кузнецова И. В. Русский язык как элемент современной языковой ситуации в странах Балтии // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала : Дагестанский гос. пед. ун-т им. Р. Гамзатова, 2024. – С. 45–53.
13. Хмелевский М. С., Кузнецова И. В. Русский язык в Латвии // Теория и практика коммуникации. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Тирасполь : Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2025. – С. 19–23.
14. Хмелевский М. С., Савченко А. В. Балто-славянские параллели на материале фразеологизмов с компонентом «черт» // Językoznawstwo. – 2025. – № 4(25). – S. 111–124.
15. Jakaitienė E. Lietuviškai apie Lietuvą. – Vilnius : Alma Littera, 1995. – 328 с.
16. Frazėologijos žodynas (red. Paulauskas J.). – Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2001. – 886 s.
17. Lietuviškos simbolikos žodynas [Электронный ресурс]. – URL : https://www.ltvirtove.lt/zodynai.php?It=lietuviskas_simbolikos_zodynas (дата обращения: 25.02.2026).
18. Sasnauskas P., Pikienė I. Gražiausias lietuvių pasakos. – Vilnius : Veiga, 2013. – 197 s.

Статья поступила в редакцию 07.02.2026

REFERENCES

1. Ivanov V. V., Toporov V. N. K postanovke voprosa o drevnejshih otnosheniyah baltijskih i slavyanskikh yazykov. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1958. – 41 s.
2. Ivanov V. V., Toporov V. N. Baltijskaya mifologiya // Mify narodov mira. – M. : Sov. Enciklopediya, 1991. – T. 1. – S. 153–169.
3. Lauchyute Yu. A. Slovar' baltizmov v slavyanskikh yazykah. – Leningrad : Nauka, 1982. – 211 s.
4. Peterson M. N. Oчерк литовского языка. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. – 160 s.
5. Raina O. V. Polyaki v Latvijской Respublike kak pozitivnyj primer vzaimoproniknoveniya kul'tur // Etnicheskaya kul'tura. – 2019. – № 1(1). – S. 52–54. – DOI 10.31483/r-64081.
6. Turlaeva A. S., Hmelevskij M. S. Obraz cherta v litovskoj, latyshskoj i ruskoj frazeologii // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2022. – № 2(115). – S. 122–128. – DOI 10.37972/chgpu.2022.115.2.017.
7. Hmelevskij M. S. Litovskaya frazeologiya mikropolya neopredelenno-bol'shogo kolichestva // Slovo v slovare i diskurse. – M. : Elpis, 2006. – S. 494–497.
8. Hmelevskij M. S. Litovskie ustojchivye sochetaniya so znacheniem neopredelenno-malogo kolichestva // Problemy semantiki yazykovykh edinic v kontekste kul'tury (lingvisticheskie i lingvometodologicheskie aspekty). – M. : Kostroma : Elpis, 2006. – S. 592–505.
9. Hmelevskij M. S. K voprosu o frazeologicheskoy variativnosti kak ob'ekte sopostavitel'nogo analiza (litovsko-slavyanskije frazeologicheskie paralleli) // Frazeologiya v tekste i slovare. Materialy XXXVI Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2007. – S. 141–145.
10. Hmelevskij M. S. Sovremennaya yazykovaya situaciya v Litve kak primer polilingvizma i mezhnacional'noj tolerantnosti // Russkij yazyk v usloviyah bi- i polilingvizma. – Cheboksary : Chuvashskij gos. ped. un-t im. I. Ya. Yakovleva, 2021. – S. 62–66.
11. Hmelevskij M. S., Kuznecova I. V. Aktual'nost' balto-slavyanskikh leksiko-frazeologicheskikh parallelej dlya slavistiki // LI Mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya im. L. A. Verbickoj. Sb. tezisov. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2023. – S. 1294–1296.
12. Hmelevskij M. S., Kuznecova I. V. Russkij yazyk kak element sovremennoj yazykovoj situacii v stranah Baltii // Dialog yazykov i kul'tur: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Mahachkala : Dagestanskij gos. ped. un-t im. R. Gamzatova, 2024. – S. 45–53.
13. Hmelevskij M. S., Kuznecova I. V. Russkij yazyk v Latvii // Teoriya i praktika kommunikacii. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Tiraspol' : Pridnestrovskij gos. un-t im. T. G. Shevchenko, 2025. – S. 19–23.
14. Hmelevskij M. S., Savchenko A. V. Balto-slavyanskije paralleli na materiale frazeologizmov s komponentom «chert» // Językoznawstwo. – 2025. – № 4(25). – S. 111–124.
15. Jakaitienė E. Lietuviškai apie Lietuvą. – Vilnius : Alma Littera, 1995. – 328 s.
16. Frazeologijos žodynas (red. Paulauskas J.). – Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2001. – 886 s.
17. Lietuviškos simbolikos žodynas [Elektronnyj resurs]. – URL : https://www.ltvirtove.lt/zodynai.php?lt=lietuviskas_simbolikos_zodynas (data obrashcheniya : 25.02.2026).
18. Sasnauskas P., Pikienė I. Gražiausias lietuvių pasakos. – Vilnius : Veiga, 2013. – 197 s.

The article was contributed on February 7, 2026

Сведения об авторах

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>, chmelevskij@mail.ru

Раина Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6281-8148>, raolga80@mail.ru

Author Information

Khmelevsky, Mikhail Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1980-5453>, chmelevskij@mail.ru

Raina, Olga Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6281-8148>, raolga80@mail.ru